РАЗСКАЗЫ

КАЗАКА

ЕРМИЛЪ ШМАРЕВА

И

НѢСКОЛЬКО СЛУЧАЕВЪ

ИЗЪ

ЖИЗНИ ЗАЩИТНИКОВЪ

СЕВАСТОПОЛЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Т. Т. ВОЛКОВА И КОМП.

1856.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 2-го Ноября, 1855 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

1.

КАЗАКЪ ЕРМИЛЪ ШМАРЕВЪ.

Въ Мартѣ 1855 года, войска Малокалахскаго отряда, подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта Липранди, были расположены, какъ извѣстно, лагеремъ и бивуакомъ при селеніяхъ: Мадлавита и Голенцы-Команы, кавалерійскій же отрядъ, изъ 4-хъ эскадроновъ Бугскихъ уланъ и 4-хъ сотенъ казаковъ, занималъ с. Пояны: передовая цѣпь сего отряда, находясь въ связи съ цѣпью, выставленною отъ главныхъ силъ, наблюдала за с. Чепурчани и теченіемъ Дуная, къ сторонѣ д. Дессы. Кто не живалъ на Дунаѣ, тотъ никогда не видывалъ настоящихъ тумановъ. Въ началѣ ве-

сны и осенью, густая, непроницаемая мгла обхватываетъ значительныя пространства прибрежьевъ рѣки. Около вечера, туманъ слоями спускается на землю и съ каждымъ часомъ становится гуще и мрачнѣе. Начиная съ 5 часовъ вечера одного дня, туманы держатся часто до полудня другаго. Холодная сырость проникаетъ до костей, паръ густою массою стоитъ въ воздухѣ и лишаетъ возможности различать предметы на самомъ близкомъ разстояніи; даже звукъ замираетъ... 14-го Марта, Турки, пользуясь мракомъ подобнаго тумана, сосредоточились въ значительныхъ силахъ за с. Чепурчани и быстро атаковали лѣвый флангъ Поянскаго отряда. Но не удалось невѣрнымъ застать нашихъ врасплохъ: привычное ухо сторожеваго казака караулило врага. По первой тревогѣ, уланы подкрѣпили Донцовъ. Непріятель былъ опрокинутъ и съ большою потерею обратился въ бѣг-

ство. Во время общей, внезапной атаки, казачій постъ, составлявшій оконечность лѣваго фланга цѣпи, на пересѣченной мѣстности, былъ окруженъ Турками. Казаки Донскаго казачьяго № 42-го полка: Ефимъ Давыдовъ и Ермилъ Шмаревъ, послѣ упорной защиты, попались въ руки непріятеля.

29-го Декабря 1854 года, съ праваго берега р. Прута, въ слободку Калибашы, лежащую противу Молдаванскаго селенія Стойканы, явился, на находящійся тамъ постъ, Донскаго казачьяго № 42-го полка, Бурацкой станицы, казакъ Шмаревъ. Увѣренный въ счастливомъ спасеніи изъ плѣна, сотворивъ крестное знаменіе и поцѣловавъ родную землю, Ермилъ Шмаревъ объявилъ себя казакомъ Донскаго № 42-го Полковника Ульянова полка. Съ любопытствомъ окружили Донцы своего собрата и просили раз-

сказать имъ объ его плѣнѣ. Ермилъ Шмаревъ началъ свой разсказъ слѣдующимъ образомъ: «Полкъ нашъ, братцы, прибылъ за границу позже другихъ. Насъ послали въ Калахвату, гдѣ за крѣпостію сидѣлъ Турокъ. Мы стояли въ Поянахъ. Каждый день, бывало, не то что сраженіе какое, а такъ просто: то они насъ задѣнутъ, то мы ихъ пощиплемъ, ну и ничего!.. Не то что война, а стрѣляли каждый день!..»

«14-го Марта, 5-й сотнѣ вышелъ чередъ цѣпь занимать. Мнѣ, со станишникомъ Ефимомъ Давыдовымъ, пришлось стоять на крайнемъ посту, противъ самаго Дуная. Съ вечера палъ туманъ — темень стала такая, что Ефимъ — меня, а я — Ефима въ лицо не узнавали... Стоимъ, — все тихо. Думаемъ: гдѣ имъ, нехристямъ—не то время, носа изъ-за окоповъ не высунутъ!.. Вдругъ... такъ по нашему

примѣрно на зарѣ, слышимъ... въ правой цѣпи выстрѣлъ... мы сготовились. Къ холму, на которомъ стояли, примыкалъ оврагъ, слышимъ — опять выстрѣлъ. Мы съ холма къ оврагу, чтобы пристроиться къ резерву,—не видно ни зги, хоть глазъ выколи!.. Вдругъ, со всѣхъ сторонъ: Алла! Алла!— Мы выпалили.— Туда-сюда, анъ выходу нѣтъ, окружили басурмане... Я за пику; но въ это время былъ раненъ въ правую ногу и вылетѣлъ изъ сѣдла. Насъ захватили и привели въ Калахватъ.— Товарища моего отправили во внутрь Туречины, а меня, раненаго, повезли въ Шумлу, положили въ госпиталь... Нечего сказать—присмотръ былъ сносный и кормили не дурно,— одно плохо: винной порціи не давали... Дней черезъ 40 рана моя совсѣмъ прошла, и ходилъ я, какъ теперь. Потребовали меня къ Пашѣ и приказали вступить въ Турецкія войска. — Я отказался и объ-

явилъ на-отрѣзъ, что противу братьевъ своихъ служить не стану... Кричалъ на меня сердитый Паша и ударилъ нѣсколько разъ... Дали мнѣ день на размышленіе: служить, или разстрѣляютъ!.. Взяло меня раздумье... служить противу своихъ не приходится,—грѣхъ,—а какъ разстрѣляютъ, то и того хуже: душа Христіанская даромъ пропадетъ!.. Помолился однако Богу и сказалъ наотрѣзъ Туркамъ, что противъ своихъ служить не стану. Паша разгнѣвался, грозилъ уши обрѣзать, да лихъ нѣтъ, приказалъ водить за отрядомъ и прибавилъ, что присмотръ за мною будетъ строгій и что чуть, дескать, что, такъ сейчасъ повѣсятъ! Изъподъ Шумлы отрядъ посланъ былъ на Рущукъ, и черезъ Журжево прибылъ въ Бухарестъ. Тамъ узналъ я, что наши вернулись уже въ предѣлы Россіи. Грусть меня взяла невыносимая, и думалъ я: ужь не видать мнѣ

больше земли родной,—такъ на вѣкъ и погибну межъ нехристей. Но милостивъ Господь Богъ. Послали Турецкій отрядъ къ сторонѣ Браилова—заговорили, и Турки и Молдаване, что всѣ идутъ въ Бессарабію, на Русскихъ; а потомъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, вся рать басурманская спѣшно ударилась за Дунай. Нашъ отрядъ оставался на рѣкѣ, клички не помню, на рѣкѣ, что вдоль Молдавіи течетъ и въ Прутъ упирается. Разъ послали партію къ Пруту: за мною хоть строгаго присмотра не было, а улизнуть было нельзя... Однажды, я и приставленный ко мнѣ старый баши-бузукъ, мы ѣхали вмѣстѣ и вдвоемъ далеко отдѣлились отъ партіи... Бузукъ былъ добрый старикъ, даромъ что Турокъ,—такой ласковый и обходительный; говорили мы каждый по своему, и ничего: другъ друга понимали.— Ѣдемъ мы по берегу, и вижу я на другой сторонѣ Прута... свои,

Донцы - товарищи разъѣзжаютъ!.. Сердце у меня такъ и защемило,— думаю себѣ: если теперь не удастся, никогда не уйдешь!.. Взглянулъ я на старика — добрый старикъ ничего не понимаетъ, улыбался... Мѣстность была способная, глухая... ѣхали мы рядомъ... я нагнулся стремя поправить... пустилъ старика шаговъ на десять впередъ, перекрестился... гикнулъ мимо... ударомъ по затылку сшибъ Турка на земь... коня за узду, да и былъ таковъ!.. Долго скакалъ я вверхъ по р. Пруту,—смотрю—селеніе стоитъ... Богъ вѣсть, думаю, можетъ въ деревнѣ Турка найду: снова поймаютъ, — родины не увидишь, да и на осину повѣсятъ!.. Слѣзъ я съ коня, разсѣдлалъ лошадей, побросалъ сѣдла въ трущобу и пустилъ коней по полю, а самъ... съ оглядками на всѣ стороны, словно прохожій какой, вошелъ въ селеніе... Ко всякому грѣшнику милостивъ Го-

сподь: Турокъ въ деревнѣ не было! На другой день, изъ Молдавскаго селенія Стойканы перевезли меня прямо къ вашему посту... «Теперь, братцы,» заключилъ Шмаревъ: «ведите меня къ начальству: скорѣе бы до станишниковъ добраться...»—Жаль, братъ-землякъ, что ты коней-то бросилъ на чужомъ берегу! — сказалъ одинъ изъ Валуевскихъ казаковъ, бывшихъ на посту въ Калибашѣ...

2.

ПОДВИГИ ОСОБЕННОЙ ХРАБРОСТИ.

Тищенко — унтеръ-офицеръ 42-го Флотскаго Экипажа, комендоръ бомбическаго орудія, человѣкъ бравый, распорядительный и хладнокровный; его поговорка: «сила небесная.» — Въ первые дни бомбардированія пальба была такъ часта, что до орудія не-

льзя было дотронуться. «Рѣже стрѣлять!» говорили ему: «орудіе горячо.» —Ничего, мы его сейчасъ напоимъ,— отвѣчалъ Тищенко. Вода немедленно являлась, и орудіе мочили швабрами. Англичане сильно надоѣдаютъ ему своею стрѣльбою. «Да неужь-то не покараетъ тебя сила небесная!» говорилъ онъ, заряжая и наводя орудіе.

Ангеловъ — унтеръ-офицеръ 44-го Флотскаго Экипажа, небольшаго роста, коренястый, ловкій, хорошій марсовой. Покойный Адмиралъ Корниловъ его очень любилъ, и пріѣзжая на фрегатъ «Коварна», на которомъ служилъ Ангеловъ, всегда спрашивалъ объ его здоровьѣ. Вообще Ангеловъ очень дѣятеленъ, трудолюбивъ и исполнителенъ по службѣ. Онъ комендоръ на лѣвомъ фасѣ Малахова кургана; его орудіе дѣйствовало не такъ много, но за то страдало отъ продольной Англійской батареи, и

ему не разъ случалось подъ ядрами мѣнять 36-ти-фунт. орудіе.

Шинкаренко — унтеръ-офицеръ 39 Флотскаго Экипажа, комендоръ бомбическаго орудія; имъ всегда любовались на батареѣ, какъ лучшимъ артиллеристомъ. Шинкаренко замѣчателенъ тѣмъ, что очень серьозенъ: никто и никогда не видалъ, чтобы онъ улыбнулся.

Василій Колиниченко—матросъ 32-го Флотскаго Экипажа. Ему было отнято плечо въ верхней трети. Послѣ операціи онъ тотчасъ же обратился къ оператору съ словами: «Покорнѣйше благодарю, Ваше Высокоблагородіе. Нельзя ли рюмку вина выпить?» Когда ему принесли рюмку вина, онъ, поднявъ ее лѣвою рукою, сказалъ: «за ваше здоровье, Ваше Высокоблагородіе!»

3.

НАШИ КАЗАКИ ВЪ ГОСТЯХЪ У ТУРЕЦКАГО МУШИРА.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ Кюрюкъ-Дарскаго дѣла, а именно 29-го Іюня, изъ Александропольскаго лагеря было отправлено нѣсколько человѣкъ нашихъ казаковъ съ письмомъ къ Турецкому Муширу отъ командующаго дѣйствующимъ на границѣ корпусомъ, Князя В. О. Бебутова, и съ письмами отъ плѣнныхъ Турецкихъ офицеровъ. Посланные казаки были: Николай Павловъ Затрапезный, изъ Дворянъ, приказный Моздокскаго казачьяго полка, и съ нимъ урядникъ Кубинскаго полка Галактіоновъ, урядникъ Кавказскаго полка Голодновъ и урядникъ Моздокскаго полка Сагандаковъ. Послѣднему былъ данъ бѣлый парламентерскій флагъ. Казаки наши отправились, и путешествіе ихъ

не обошлось безъ интересныхъ, характеристическихъ подробностей, о которыхъ, какъ и о многомъ интересномъ, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, ничего еще не было сказано въ періодическихъ листкахъ, въ настоящее время весь свой интересъ заимствующихъ изъ картины великой современной брани... Беру на себя пополненіе, для вашей газеты, одного изъ этихъ пробѣловъ... Но, чтобы ничего не отнять у оригинальности разсказа, постараюсь передать его точными выраженіями приказнаго Николая Затрапезнаго, въ томъ видѣ, какъ я записалъ ихъ со словъ разскащика... «Вотъ мы и отправились. Съ нами былъ переводчикъ, какъ слѣдуетъ...» (Прошу замѣтить, что Николай Затрапезный не простой казакъ, а приказный, и слѣдовательно за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, а говоритъ складно, красно, и не прочь отъ доморощенаго литературнаго прибавле-

нія къ своей молодецкой рѣчи. Не лишнее также сказать, что Затрапезный—казакъ рослый, плечистый и расторопный, лѣтъ 32-хъ отъ роду)... «Верстахъ въ пятнадцати отъ нашего лагеря повстрѣчали мы штукъ шесть баши-бузуковъ: всѣ верхами, этакъ, стояли на пригоркѣ. Завидѣвши насъ, они съ пригорка стали спущаться и къ намъ на-встрѣчу. Переводчикъ предъявилъ имъ конвертъ. Они показали вѣжливость, и повели насъ къ своему баши-бузуцкому начальнику, Хаджи-Темиръ-Агѣ, по-ихнему. Ѣхали мы недалеко и пріѣхли къ особому лагерю, должно быть баши-бузуцкому же. Палатокъ тутъ я насчиталъ восемьдесятъ четыре штуки, и всѣ такія красивыя, разноцвѣтныя. Начальникъ находился въ голубой, складной палаткѣ человѣкъ на пятьдесятъ. Онъ принялъ насъ ласково, угощалъ шербетомъ, чаемъ, кофеемъ, трубками, а самъ послалъ, должно полагать,

съ увѣдомленіемъ къ Муширу. Тутъ мы оставались часа два съ половиной. Пообѣдали. Обѣдъ извѣстно какой у Азіятовъ: пловъ, баранина, вареники, соусъ изъ сливъ и яблоковъ, — яствъ много, только винцомъ запить не пришлось: вина не подавали. Хаджи съ нами шутилъ, говорилъ, что видѣлъ меня въ дѣлѣ 19-го Іюля, хотѣлъ, вишь, меня убить, да пистолетъ осѣкся. Должно полагать, вретъ Хаджи, по той причинѣ, что гдѣ въ этой свалкѣ запомнить кого въ лице? Такъ, полагаю, для краснаго слова выдумалъ... Пообѣдавши, мы благодарили и просили, чтобы насъ отпустилъ. Хаджи далъ намъ провожатаго; ружья оставилъ при насъ, а пистолеты, кинжалы и шашки отобралъ. Часа черезъ два съ половиной выѣхали мы въ Турецкій лагерь. Проѣхавши версты четыре, повстрѣчали ихнее строевое войско: эскадронъ драгунъ; впереди Полковникъ. Полковникъ поздорова-

ся съ нами по своему; только я замѣтилъ, что языкъ у него не настоящій Турецкій, а какой-то, то есть, ломаный: должно полагать изъ иностранцевъ... Съ драгунами мы тронулись вмѣстѣ; ѣхали больше молча. Версты за четыре до главнаго лагеря Полковникъ приказалъ завязать намъ глаза. Досадно было, потому что хотѣлось таки повысмотрѣть ихній военный, то есть, обиходъ; да на наше счастье дождь пошелъ; Турки стали кутаться, жаться, и за нами не больно присматривали, такъ что кое-какъ изъподъ повязки могъ я выглядывать, и видѣлъ на полѣ подбитыя нами въ послѣднемъ дѣлѣ артиллерійскія орудія и ящики зарядные поломанные. По пріѣздѣ въ лагерь, повязки съ насъ сняли. Лагерь стоялъ у стѣны самаго Карса. Изъ палатокъ никто не выходилъ, и когда мы въѣхали въ лагерь, намъ сдѣлали на караулъ и скомандовали по-Русски. Такъ мы доѣхали до

палатки Мушира; палатка была атласная и большущая, снаружи бѣлая, а внутри сѣрымъ сукномъ обтянутая, трапы же, замѣтилъ я, шелковые. Внутри, вокругъ всей палатки, диваны. Тутъ же, въ особомъ отдѣленіи, должно быть, и штабъ былъ ихній: офицеровъ было много; они насъ окружили, и одинъ сказалъ: «Вы дрались хорошо, но вы всѣмъ обязаны тому, что сконфузили нашихъ подлецовъ баши-бузуковъ на правомъ флангѣ, а не будь баши-бузуковъ, ничего бы вы противъ нашихъ четырехъ батарей не сдѣлали.» Онъ говоритъ, а я себѣ другое думаю, да молчу: пущай, молъ, еще повретъ. А тутъ входитъ другой офицеръ, высокій, на головѣ феска, а самъ въ *пальто* изъ черной клеенки. Ему всѣ отдали честь, и сказали намъ, что онъ иностранецъ: оно и видно было, такъ какъ по-Турецки говорилъ онъ, то есть, чрезъ силу. Вотъ онъ, какъ только вошелъ, такъ

и заговорилъ съ нами: «Если бы, говоритъ, не подлецы баши-бузуки, мы задали бы вамъ фейферу.» А я отвѣчаю, — зло, знаете, меня взяло, что сами драться не умѣютъ, а на баши-бузуковъ сваливаютъ,—говорю: «Пока еще вы намъ задали бы фейферу, а уже мы вамъ прописали фигу...» На, молъ, съѣшь, да не ври. Долговязый офицеръ засмѣялся, и началъ съ своими товарищами по-Французски разговаривать. Поговоривши этакъ съ пять минутъ, предложили намъ: «Не хотите ли, говорятъ, водки?»— «Отчего же, говорю, послѣ дождя не мѣшаетъ!» Позвали человѣка, спросили у него водки; онъ говоритъ, что нѣтъ, а я думаю: видно, еще послѣ нашей потасовки не успѣли походныхъ запасовъ собрать, т. е. такъ я думаю про себя, а впрочемъ молчу, ни слова!.. Въ это самое время позвали насъ къ Муширу. Пришелъ офицеръ въ красномъ мундирѣ съ серебряными петли-

цами, и повелъ насъ въ другое отдѣленіе палатки. Муширъ привсталъ и поклонился намъ, а потомъ спросилъ чрезъ переводчика: «Это тѣ самые молодцы, что дрались съ баши-бузуками?»— Переводчикъ отвѣчалъ: «Тѣ самые.» — «Молодцы,» говоритъ, — такъ и надо драться, а какъ перестанемъ, приходите, будемъ друзья.» — На это мы отвѣчали: «Драться такъ драться, а не драться, такъ лучше и въ поле не выходить!» Муширъ засмѣялся и подарилъ намъ каждому по часамъ. Мы взяли и поблагодарили. Тутъ отвели насъ опять въ офицерское отдѣленіе. Офицеры опять къ намъ. Одинъ спрашиваетъ: «Есть ли у васъ какая нибудь *новизна*, и получаете ли какія нибудь газеты.» Я говорю:— «Что за газеты! Мы никакихъ не получаемъ.»— «А офицеры у васъ развѣ никакихъ новостей не знаютъ?»— «У насъ,—говорю, и полковые Командиры новостей не знаютъ,» —

т. е. это я говорю съ тѣмъ, чтобы меня больше ни о чемъ не разспрашивали.—«Такъ кто же знаетъ *новизну*?» привязался тотъ же офицеръ, должно быть изъ Поляковъ, такъ какъ онъ по-Русски говорилъ на Польскій манеръ. Я отвѣчаю: «Князь Бебутовъ да Князь Барятинскій знаютъ.»—Офицеръ засмѣялся и опять-таки пристадъ: «А вы, говоритъ, что знаете?»—«А мы то знаемъ, говорю, что какъ ударятъ въ барабанъ да скажутъ: маршъ впередъ, мы и идемъ впередъ; эту новость мы знаемъ.»—«Ну, такъ знайте же, продолжалъ Полякъ, что у васъ Кронштадтъ взятъ и Одесса взята, а подъ Севастополемъ стоятъ и бомбардируютъ.»—«Я говорю: «Ну, мы этого и не слыхали; была бы правда, у насъ бы скорѣе было извѣстно.» Съ тѣмъ Полякъ и отвязался, и разговоръ весь кончился. Тутъ завязали намъ глаза и повели тѣмъ же порядкомъ обратно. Опять прибыли къ

баши-бузуцкому Хаджи-Агѣ. Онъ опять принялъ насъ хорошо, подчивалъ чаемъ, кофеемъ; далъ и поужинать и даже уступилъ намъ свою постель, а самъ ушелъ ночевать въ другую палатку, то есть вѣжливость большую оказалъ, даромъ что баши-бузукъ и нехристь!.. Лошадей нашихъ за ночь тоже накормили, а поутру насъ напоили чаемъ. За тѣмъ мы поблагодарили, какъ слѣдуетъ, за хлѣбъ за соль, и отправились къ Александрополю. Версты съ четыре насъ провожали родственники плѣнныхъ, отъ которыхъ мы, съ разрѣшенія начальства, возили письма въ Турецкій лагерь.»

4.

О ПОДВИГАХЪ ДОНЦОВЪ ВЪ КРЫМУ.

21-го Февраля 1855 года, казаки Жирова № 61-го полка покрыли себя новою славою. Въ этотъ день Турецкая кавалерія, въ числѣ 500 человѣкъ, выѣхавъ изъ города Евпаторіи, напала на лѣвый флангъ цѣпи, занимаемой нашими казаками. Уступая многочисленному превосходству непріятеля, казаки, мужественно перестрѣливаясь съ Турками, медленно отступали до прибытія резерва, состоявшаго изъ одного эскадрона уланъ, 1-й, 3-й, 5-й и 6-й сотенъ № 61-го полка, подъ командою Войсковаго Старшины Селиванова. По прибытіи подкрѣпленія, казаки, съ крикомъ *ура!* бросились въ пики и шашки на непріятеля, и этотъ рукопашный бой въ мигъ рѣшилъ дѣло. Турки, оставивъ на мѣстѣ до 40 своихъ труповъ, были съ значительною потерею отброшены къ городу.

5.

НѢСКОЛЬКО СЛУЧАЕВЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАЩИТНИКОВЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

1. Не смотря на градъ бомбъ, гранатъ, ядеръ и пуль, которыми осаждающій осыпаетъ траншеи, солдатъ нашъ шутитъ надъ смертію, беззаботно попѣваетъ во время канонады веселую пѣсенку, а подъ часъ изъ подъ-полы шинели вынимаетъ свою трехъ-струнную балалайку... закипѣлъ рукопашный бой, и звѣремъ бросается онъ въ штыки на смѣлаго врага, безщадно колетъ его въ подступахъ къ нашимъ ложементамъ—и щадитъ непріятеля безоружнаго.

Разъ случилось мнѣ видѣть, что вели двухъ плѣнныхъ, раненыхъ Французовъ, съ которыми повстрѣчались два усатыхъ гренадера Волынскаго пѣхотнаго полка. Поровнявшись съ плѣнными, одинъ изъ Волынцевъ су-

нулъ въ руку Француза пятакъ, а другой далъ его товарищу двугривенный.

Пятакъ и двугривенный, какъ узналъ я тутъ же, были послѣдніе у Вольницевъ.

6.

2. Для ближайшаго наблюденія за непріятелемъ, высылаются на ночь съ бастіоновъ и редутовъ оборонительной линіи Севастополя «секреты.» Въ ночь съ 8 на 9-е Апрѣля, изъ бастіона № 6-го былъ высланъ въ подобный секретъ 4-го сапернаго баталіона унтеръ-офицеръ Жуковъ съ 3 охотниками. Ночь была темная. Секретъ, выйдя изъ своихъ окоповъ, ползкомъ пробирался къ кладбищу, занимаемому непріятельскимъ карауломъ, и вдругъ наткнулся на Французскій пикетъ. Отважный Жуковъ не потерялъ присутствія духа: громкимъ и твердымъ голосомъ онъ скомандовалъ: *колонна вставай, — колонна пли, — колонна въ штыки, маршъ!* — Колонна, состоящая

изъ 3-хъ человѣкъ, послушная голосу своего командира, послѣ залпа, дружно ударила въ штыки на непріятельскій пикетъ, захваченный врасплохъ. Непріятель бѣжалъ къ кладбищу. Храбрый Жуковъ съ своею сильною колонною преслѣдовалъ бѣгущихъ, и для обезпеченія отступленія оставилъ въ резервѣ, какъ разсказывалъ послѣ, Суздальскій пѣхотный полкъ — т. е. охотника, рядоваго Суздальскаго полка Якова Махова, съ остальными же молодцами бѣжалъ къ стѣнкѣ самаго кладбища. Натѣшившись надъ врагомъ, Жуковъ и его колонна отошли на резервъ свой—Якова Махова, и заняли обычное мѣсто, назначенное для секрета, гдѣ Жуковъ, не смотря на проколотую штыкомъ руку, оставался до разсвѣта. Охотники были рядовые: Суздальскаго пѣхотнаго полка Яковъ Маховъ, 4-го сапернаго батальона Макаръ Попеловъ и 17-го рабочаго экипажа матросъ Бѣлогривовъ.

7.

3. 7-го Апрѣля 1855 года, Одесскаго егерскаго полка 4-й карабинерной роты стрѣлку Арефію Алексѣеву ядромъ оторвало ногу. Раненаго принесли на перевязочный пунктъ. Знаменитый хирургъ нашъ Пироговъ, осмотрѣвъ размозженную ногу раненаго, приступилъ къ операціи, во все продолженіе которой раненый лежалъ покойно. — «Достань-ка, братъ,» сказалъ по окончаніи Алексѣевъ, обращаясь къ одному изъ принесшихъ его товарищей: «въ карманѣ у меня подъ сборками шинели платокъ есть.» Егерь исполнилъ приказаніе раненаго и подалъ ему тряпицу съ узломъ. Арефій Алексѣевъ рукою и зубами развязалъ крѣпко затянутый узелъ тряпицы, вынулъ оттуда два рубля и, подавая одинъ изъ нимъ Пирогову, сказалъ: »Хорошо вы, Ваше Благородіе, отрѣзали мнѣ ногу. Возьмите себѣ половину добра

моего. Дай вамъ Богъ здоровья!» Присутствовавшіе при этомъ Медики засмѣялись. Г. Пироговъ, возвращая раненому рубль, сказалъ, чтобы онъ сохранилъ его на покупку костыля, и спросилъ, не хочетъ ли онъ чаю. «Благодаримъ-съ покорно-съ, Ваше Превосходительство,» отвѣчалъ Алексѣевъ, замѣтившій свою неловкость. «Если бы изволили приказать пожаловать чарку водки-съ, оно бы способнѣе было.« Выпилъ Алексѣевъ чарку водки, снова поблагодарилъ знаменитаго хирурга и прибавилъ: «Ваше Превосходительство, велите ужь дать по чаркѣ и товарищамъ моимъ: хорошо подобрали и славно несли до самаго перевязочнаго пункта.»

8.

4. Впереди Севастопольской оборонительной линіи, для ближайшаго наблюденія за непріятельскими осадными работами, передъ исходящими углами укрѣпленій, устроены ложементы, которые день и ночь занимаются штуцерными и охотниками.

Очередные не отводятъ глазъ отъ штуцера, вставленнаго въ нарочно-продѣланную между камнями ложемента крошечную бойницу, и хоть на мгновеніе появись вражья голова, щелкнетъ курокъ, и не рѣдко глядишь—кувыркнется недругъ!

12-го Мая, въ ложементахъ нашихъ, возведенныхъ передъ бастіономъ № 3-го, противу Англійской траншеи, сидѣла команда штуцерныхъ отъ Камчатскаго егерскаго полка.

«Смотри, смотри, закричалъ егерь Евсѣевъ—что-то катится мимо!

—Чего тебѣ катится, — аль не видишь, заяцъ бѣжитъ!

—Катай его, Кузнецовъ — на тебя бѣжитъ!..

—Не замай его,—замѣтилъ четвертый солдатикъ, — можетъ оборотень какой!..

Раздался выстрѣлъ—заяцъ убитъ.

Въ Англійскихъ ложементахъ послышался смѣхъ.

Убитый заяцъ лежитъ на срединѣ между нашими и непріятельскими ложементами.

Перекрестился Ефимъ Кузнецовъ и вслѣдъ за выстрѣломъ, схвативъ у товарища заряженный штуцеръ, выскочилъ изъ ложемента и подбѣжалъ къ убитому зайцу.

Командующій отдѣленіемъ унтеръ-офицеръ и опомниться не успѣлъ, какъ Кузнецовъ былъ уже за валомъ.

Наши и Англичане, забывъ на время перестрѣлку, высунулись изъ-за окоповъ и смотрѣли на удальца.

Кузнецовъ, выбѣжавъ изъ ложементовъ, схватилъ зайца за заднія лапы и поднявъ ружье на зготовку, отходилъ къ своимъ ложементамъ.

Англичане, пораженные удальствомъ стрѣлка, встрѣтили эту смѣлую выходку единодушнымъ «ура!» и хлопали въ ладоши. Кузнецовъ пріостановился, снялъ шапку, поклонился, и показавъ врагамъ зайца, скрылся въ ложементъ.

Головы спрятались — перестрѣлка закипѣла.

Кузнецовъ, получившій строгій нагоняй за несвоевременную охоту, представилъ зайца Командиру полка—и посыпались рубли удалому стрѣлку... А Кузнецовъ?.. онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ и понять не могъ — гдѣ же тутъ молодечество, — убилъ зайца — извѣстное дѣло, не бросить же убитаго!

У защитниковъ Севастополя смерть потеряла свой ужасъ.

9.

5. Въ ночь съ 10-го на 11-е Мая, на правомъ флангѣ нашей оборонительной линіи произошелъ страшный кровавый бой за траншеею. Подъ адскимъ огнемъ артиллерійскимъ и ружейнымъ, наши и непріятельскія колонны ходили въ штыки; спорныя траншеи по нѣскольку разъ переходили изъ рукъ въ руки и два раза егеря наши, увлеченные запальчивостію, достигали до непріятельскихъ окоповъ.

Разсвѣтъ дня прекратилъ упорный бой: полувырытыя траншеи остались въ нашихъ рукахъ; но не составляя совершеннаго прикрытія для людей, въ продолженіи дня занимались одними только охотниками изъ штуцерныхъ.

Велики были потери съ обѣихъ сторонъ; убитые и часть раненыхъ остались въ пространствѣ между на-

шими и непріятельскими работами. Въ числѣ послѣднихъ находился егерь Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго полка, получившій пулевую и штыковыя раны.— Около 6 часовъ пополудни 11-го Мая, егерь подползъ къ нашимъ ложементамъ и, принесенный на перевязочный пунктъ, разсказывалъ слѣдующее:

«Въ послѣднюю атаку, опрокинувъ непріятеля, мы выскочили изъ траншеи, да и за врагомъ: не помню, далеко ли я пробѣжалъ, какъ одинъ изъ Французовъ пнулъ меня штыкомъ въ руку; оно бы и ничего, да въ то же время—штуцерная перебила мнѣ ногу. Ударъ прикладомъ по головѣ оглушилъ до конца. Когда я опомнился, было тихо, и только изрѣдка то бомба пролетитъ, иль штуцерная просвиститъ. Осмотрѣлся я—гляжу, шагахъ въ 30-ти непріятельскія ложементики; оглянулся назадъ—свои далеко, опупался,—болитъ рука и нога, ползти не

могу, опереться не на что. Зубами и лѣвою рукой разорвалъ я рубашку, стянулъ рану на рукѣ и туго завязалъ ногу... Изъ силъ выбился—жажда такая, что и Господи упаси, — во рту пересохло и языкъ словно выжгло; вижу, что до своихъ не дойдешь и думаю: вѣдь не злодѣй же какой Французъ — даетъ воды умирающему... Перекрестился, да и къ ложементикамъ доползъ—сидѣло 5-ть человѣкъ.»

«Дядиньки, сказалъ я жалобно, дайте водицы, родимые, умираю.»

«Одинъ изъ Французовъ, бравый такой, подалъ мнѣ склянку съ водою, глотнулъ я водицы — такъ и ожилъ совсѣмъ. — «Спасибо вамъ, дядюшки, дай вамъ Богъ доброе здоровье» Французъ, давшій мнѣ воды, нагнулся ко мнѣ, покачалъ головою, да и говоритъ: плохо, братъ-землякъ, ты перевязанъ!» И съ словомъ этимъ

снялъ у меня съ ноги обвязку, намочилъ тряпицу, приложилъ на рану и своимъ платкомъ повязалъ мнѣ ногу—такъ и полегчило.

—«Што братъ-камрадъ, плохо?» — говоритъ Французъ.

—«Плохо» — отвѣчалъ я.

—«Правда, говоритъ Французъ: намъ еще хуже, чѣмъ вамъ—терпи!»

Выпилъ я еще водицы и силъ набрался. Спасибо вамъ, дядиньки,—дай вамъ Богъ здоровья.—Позвольте мнѣ —я поползу теперь къ своимъ.

«Ну ползи, братъ, ползи!» сказали Французы и засмѣялись. — Хорошій народъ, Ваше Благородіе, эти Французы, даромъ што враги! — Веселые, разговорчивые, да и не трусы какіе!

«Снялъ я шапку, поклонился, поблагодарилъ враговъ за ласку ихъ, да и поползъ къ своимъ — ни одинъ не тронулъ!»

Довольно тщательная перевязка раны на ногѣ, платокъ съ рисункомъ и надписью, и описаніе положенія мѣстности, гдѣ очнулся раненый, свидѣтельствуютъ, что егерь дѣйствительно былъ у непріятельской траншеи.

Языкъ, на которомъ объяснялся егерь съ своими дядиньками, понятенъ; и племянникъ, разсказывая о своихъ страданіяхъ, сопровождалъ свой разсказъ знаками, а разговоръ дядинекъ толковалъ по своимъ впечатлѣніямъ.

10.

ВЪ ДѢЛѢ 4 АВГУСТА ПРИ Р. ЧЕРНОЙ.

1. Пѣхотнаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича полка, 3-й мушкатерской роты рядовой Корней Тихоненко, осколкомъ гранаты былъ раненъ въ пахъ, и вынесенный изъ фронта, отданъ на носилки.

—«Постойте, братцы, сказалъ Тихоненко носильщикамъ: «пустите меня, и самъ добреду,— подберите-ка вонъ товарища,—ему, сердечному, обѣ ноги оторвало.»

Тяжело раненый мушкатеръ былъ отнесенъ на носилкахъ, а Корней Тихоненко, закрывъ одною рукою рану, а другою опираясь на ружье, кое-какъ доползъ *до перевязочнаго* пункта.

11.

2. Костромскаго егерскаго полка, 3-й егерской роты унтеръ-офицеръ Денисъ Егоровъ, жолнеръ 1-го батальйона, — извѣстный въ полку затѣйливый плясунъ, получилъ сильную рану пулею въ ногу. Падая на землю, молодецъ этотъ, показывая товарищамъ на разбитую ногу, сказалъ: «*Машъ—тоби! — теперь казачка ужь не пропляшешь.*»

12.

3. Костромскаго егерскаго полка, 9-й егерской роты, штуцерный Павелъ Фоменюкъ, извѣстенъ ротѣ своимъ хладнокровіемъ. При отступленіи полка отъ р. Черной, оставаясь нѣсколько назади своей цѣпи, штуцерный этотъ былъ атакованъ двумя Французами. Фоменюкъ, нисколько не ускоряя шага, подпустилъ къ себѣ поближе кинувшихся на него Французовъ,

вдругъ обернулся и мѣткимъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ ближайшаго. Другой же, испуганный неудачею своего товарища, бѣжалъ. Приближаясь къ своимъ, Фоменюкъ былъ привѣтствованъ радостнымъ крикомъ: «*Что братецъ, отдѣлался? Вѣдь онъ сбирался тебя заколоть. — А я его убилъ.*» — равнодушно отвѣтилъ штуцерный, продолжая забивать новую пулю въ свою винтовку.

13.

4. Послѣ атаки Ѳедюхиныхъ высотъ, войска наши были остановлены на позиціи, по правую сторону р. Черной, въ разстоянін малаго пушечнаго выстрѣла отъ непріятеля.

Съ батареи, выдвинутой противу лѣваго уступа Ѳедюхиныхъ горъ, гдѣ находился Главнокомандующій, около полуверсты впереди позиціи, занимаемой нашими войсками, замѣченъ былъ

одиночный солдатъ, который, послѣ каждаго сдѣланнаго имъ выстрѣла, перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто.

Главнокомандующій арміею послалъ двухъ казаковъ, привести отсталаго солдата на батарею.

Прибылъ егерь лейбъ-егерскаго Бородинскаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА полка Матвѣй Шелкуновъ.

—По какому случаю ты остался сзади другихъ? спросилъ Главнокомандующій егеря.

—«Прикрывалъ отступленія раненыхъ товарищей, Ваше Сіятельство!» отвѣчалъ Шелкуновъ.

—«Былъ я въ цѣпи, — продолжалъ егерь, — подошли мы къ рѣчкѣ, — не глубже, какъ по поясъ было, — перебѣжали рѣчку; а за ней другая, — рѣка-не рѣка, а канава водяная, попробовалъ—глубоко, и вдругъ не пе-

рескочишь. — Прыгнулъ одинъ, за нимъ другой, потомъ начали помогать другъ другу—и мостиковъ не надо — цѣпь перебралась.— Врагъ сидѣлъ въ канавахъ, — мы въ штыки — многихъ перекололи, многіе побѣжали на гору. —Опрокинули мы кухню ихъ — знать кашу варили, — да и въ догонку за ними. — Въ это время, дали цѣпи сигналъ отходить назадъ,—я позамѣшкался. Отошелъ за канаву — мѣсто попалось хорошее—кустокъ былъ—я и давай палить... Кто вылѣзетъ впередъ, того и повалишь. —Разстрѣлявъ свои патроны, пошелъ я назадъ; смотрю — убитый мушкатеръ лежитъ, снялъ я съ него суму, подобралъ и ружье. Въ сумѣ были патроны, я снова за кустикъ, далъ выстрѣловъ пять, да и опять за своими. Смотрю—трое раненыхъ. Я одинъ, извѣстное дѣло — трехъ не подберешь! — *Ползи, братцы, кто можетъ, а я буду прикрывать васъ!* Двое ползли, а вотъ этотъ, что

со мной прибылъ, ползкомъ бы не добрался—рана-то животовая. Какъ замѣчу, что ползуны мои отстаютъ, и я пріостановлюсь, сдѣлаю выстрѣловъ пятокъ по вражьей цѣпи, да и снова въ походъ!... — Вотъ, Ваше Сіятельство, и добрели мы кое-какъ до своихъ! — Богъ милосердъ, сохранилъ меня цѣла и невредима и благословилъ меня оказать помощь товарищамъ!...»

Лейбъ-егерскаго Бородинскаго полка роты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА стрѣлокъ Матвѣй Шелкунонъ принесъ на себѣ 5-ть ружей и три аммуниціи, взятыя имъ на дорогѣ у убитыхъ и тѣхъ раненыхъ, которыхъ онъ составлялъ прикрытіе.

14.

МАЛОЛѢТНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ СИРОТА НИКОЛАЙ ПИЩЕНКО.

27 Марта 1855 года, на другой день праздника Св. Пасхи, непріятель открылъ сильное бомбардированіе по осажденному городу Севастополю.

Въ числѣ многихъ храбрыхъ защитниковъ Севастополя, былъ убитъ 37-го Флотскаго Экипажа Тимофей Пищенко. Осиротѣлъ 10-ти-лѣтній мальчикъ Николай Пищенко, находившійся при отцѣ своемъ, съ самаго начала осады, на батареѣ Забудскаго.

По смерти отца своего, Николай Пищенко просилъ позволенія перейти на редутъ Шварца и состоять при кегорновыхъ мортирахъ.

Съ Марта мѣсяца и по сіе время Николай Пищенко, безотлучно день и ночь, находится при 6-ти кегорновыхъ

мортирахъ и, подвергаясь постояннымъ опасностямъ, не смотря ни на какія убѣжденія, не хочетъ разстаться съ ними.

«*Маркелами завѣдываю*» —

говоритъ мальчикъ—«при нихъ и умру.»

Главнокомандующій арміею Генералъ-Адъютантъ Князь Горчаковъ пожаловалъ Николаю Пищенко серебряную медаль съ надписью: «за храбрость.»

20 Августа 1855 года.

Инкерманскія высоты.

15.

НѢСКОЛЬКО СЛУЧАЕВЪ ИЗЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

1. На 4-мъ перевязочномъ пунктѣ въ числѣ смертельно раненыхъ находился Начальникъ Штаба Черноморскаго Флота и портовъ Корниловъ. Геройскій духъ Адмирала, сопровождавшій его до послѣдней минуты жизни, доставилъ прекрасную страницу для Исторіи. Справедливость требуетъ прибавить, что твердость духа, преданность волѣ Божіей и готовность переносить безропотно ужасныя мученія, сопряженныя съ производствомъ важныхъ операцій, отъ начальниковъ перешли ко всѣмъ воинамъ Севастополя; правильнѣе сказать: эти качества обнаружились, какъ общая черта всего Русскаго воинства. Такъ портовой № 29 роты, рядовой Аѳанасій Ищенко, поступившій на второй перевязочный пунктъ, съ огнестрѣльною

раною въ лѣвое плечо, съ раздробленіемъ его кости на нѣсколько кусковъ, по объявленіи ему о необходимости отнятія плеча, сказалъ хладнокровно: «дѣлайте, что находите нужнымъ, только не давайте мнѣ того усыпительнаго спирту (хлороформу), потому, что посылаемое Богомъ страданіе должно переносить безъ всякихъ ухищреній.» И дѣйствительно, въ продолженіи всей операціи, длившейся около 20-ти минутъ, онъ не испустилъ ни одного стона, а только повторялъ: »Господи, дай терпѣнія.«

16.

2. Безсрочно-отпускной 37-го Флотскаго Экипажа матросъ Тимофей Ларіоновъ, былъ принесенъ на 2-й перевязочный пунктъ: осколкомъ бомбы ему переломило лѣвое плечо на нѣсколько кусковъ. Операцію вылущенія лѣваго плеча онъ перенесъ съ геройскою твердостію, и, на другой день, окружавшихъ его кровать, плачущихъ жену и 3-хъ малолѣтныхъ дѣтей, утѣшалъ и ободрялъ словами: «не плачьте: грѣшно оплакивать то, что произошло по волѣ Господа Бога—лучше молитесь Ему.» Жена и трое малютокъ упали на колѣни предъ одромъ воина-Христіанина, и слезы горести перемѣшались со слезами горячей молитвы къ Богу.

17.

3. По обязанности моей я случайно напалъ на весьма любопытное обстоятельство: во время первой бомбардировки убитъ или померъ, между прочимъ, Цейхвахтеръ Северюковъ; — домъ и большая часть имущества его были раззорены, — и среди общей суматохи никто не имѣлъ возможности позаботиться о томъ, остались ли у него дѣти или нѣтъ; — мѣсяцъ тому назадъ, чрезъ сестру милосердія Селиванову, ходящую за Офицерами нашими въ госпиталѣ въ Сѣверномъ укрѣпленіи, узнали, что въ землянкѣ, покинутой солдатами, живутъ трое дѣтей, о которыхъ никто ничего не знаетъ; — оказалось, что дѣти эти: одинъ 12, другой 10, а третій 8 лѣтъ, послѣ разрушенія отцовскаго дома,— забрали съ собою, что могли, сами переселились на Сѣверную сторону, покинутую тогда войсками, сѣвшими

на Южную сторону встрѣтить непріятеля, помѣстились въ землянкѣ и начали жить собственными средствами подъ командою старшаго; такъ они прожили 6-ть мѣсяцевъ и живутъ понынѣ;—средства къ жизни они извлекали изъ остатковъ отцовскаго наслѣдія, которое они распродавали по частямъ; — старшій братъ былъ главою семейства, хозяйкою и промысломъ младшихъ; сами они ходили за водою,—устроили себѣ жилище, даже добывали себѣ чаю. Когда войска снова поступили въ Сѣверное укрѣпленіе, солдаты, по добродушію своему, не тронули изобрѣтательныхъ дѣтокъ, но по свойственной безпечности не объявили о новыхъ Робинсонахъ,— и такимъ образомъ эти маленькіе молодцы прожили до сихъ поръ, пока Сестра Селиванова ихъ не открыла. Я предполагаю отправить ихъ подъ покровительство и попеченія Доргобужинова; — между тѣмъ постараюсь со-

брать подробный свѣденія объ ихъ отцѣ, семействѣ и положеніи,— и не премину донести о послѣдствіяхъ сихъ розысканій.

Если бы было здѣсь кому нибудь время собирать и описывать примѣры подобной находчивости и рѣшительности Севастопольскихъ дѣтей, смѣлыхъ питомцевъ Черноморскихъ матросовъ, можно было бы, вѣроятно, составить прелюбопытную анекдотическую исторію Севастопольскаго народонаселенія въ эпоху осады; во всякомъ случаѣ здѣшніе дѣти могутъ составить особый классъ миніатюрныхъ героевъ: между ними царствуетъ такой смѣлый духъ, что даже солдаты и матросы смотрятъ на нихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ на другихъ дѣтей, и никогда не сердятся, когда шалуны эти дерзко ихъ подзадориваютъ.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЕ

А. Г.

КУЗНЕЦОВА

Цѣна 50 коп.